

Крестовская Мария Всеволодовна

Артистка

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М26

М26 **Мария Всеволодовна К.**
Артистка / Крестовская Мария Всеволодовна – М.: Книга по Требованию, 2023. – 584 с.

ISBN 978-5-519-91065-1

ISBN 978-5-519-91065-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.

Пушкинъ.

Cette divine scélératesse, qui fait le génie.

Cherbulier.

I.

Утромъ Чемезовъ получилъ отъ сестры, Елены Николаевны Олениной, слѣдующую записку:

«Милый Юрій, не хочешь ли ты поѣхать съ нами сегодня въ театръ, такъ какъ Аркадій отозванъ на винтъ и не можетъ сопровождать насъ. Я знаю, какъ ты недолюбливаешь подобныхъ просьбъ, но сегодня бенефисъ Степанова, и идетъ «Марія Стюартъ», съ московской Леонтьевой, которую, думаю, даже и тебѣ будетъ интересно посмотреть. Во всякомъ случаѣ, если ты опоздаешь пріѣхать къ обѣду, то пріѣзжай хоть въ театръ, бенуаръ № 4».

Прочитавъ эту записку, Чемезовъ въ первую минуту остался ею очень недоволенъ.

У него самого было пропасть спѣшной работы, но и отказать сестрѣ, очень рѣдко обращавшейся къ нему съ подобными просьбами, тоже не хотѣлось, а потому, хотя и нахмурился и сердясь на нее въ душѣ, онъ все-таки же отвѣтилъ, что постарается быть.

«У Аркадія какой-то глупый винтъ,—думалъ онъ съ раздраженіемъ,—и потому онъ можетъ не ѣхать, а у меня на этой недѣлѣ два серьезныхъ засѣданія, къ которымъ нужно хорошенько подготовиться, и я долженъ все бросать и летѣть въ театръ, только потому, что Аркадію Петровичу желательно въ винтъ играть! Удивительно логично!»

Когда Чемезовъ занимался какой-нибудь важной работой, то терпѣть не могъ, чтобы его отрывали и мѣшали ему, а особенно такими пустяками, какими ему казался спектакль. Онъ страстно любилъ свое дѣло и работу надъ нимъ, но тѣмъ не менѣе всегда, когда ему приходилось заниматься усиленно, онъ утомлялся, дѣлался нервенъ, раздражителенъ, и потому невинная записка сестры — пришедшая какъ разъ въ то время, когда у него стояли на очереди разные сложные вопросы и были бумаги, покончить съ которыми надо было наивозможно скорѣе — совсѣмъ испортила его настроеніе. Чемезовъ позавтракалъ дома, предъ тѣмъ какъ идти на службу, наскоро и неохотно, думая все время о предложеніи, которое хотѣлъ внести въ слѣдующемъ же засѣданіи; онъ зналъ заранѣе, что оно вызоветъ много споровъ и несогласій, но, соображая, какъ предварительно набросать свой проектъ, онъ вспоминалъ опять съ раздраженіемъ, что сегодняшній вечеръ ему не придется заняться, потому что нужно ѣхать въ этотъ глупый театръ.

«И почему именно сегодня?»—думалъ онъ съ неудовольствіемъ.—«Развѣ не могли выбрать другого дня!» Но тутъ онъ вспомнилъ, что сестра что-то писала ему о чьемъ-то бенефисѣ и о какой-то московской знаменитости, но о какой и что именно — припомнить не могъ, потому что прочиталъ записку наскоро и невнимательно, понявъ изъ нея только самое непріятное для себя, т.-е. то, что его не во-время отвлекали отъ дѣла.

Чемезовъ перечиталъ записку, и незамѣченное имъ прежде имя Леонтьевой нѣсколько смягчило и даже пріятно удивило его. Онъ зналъ, что Леонтьева считается любимицей Москвы, и слышалъ о ней очень много, но видѣть ее на сценѣ ему еще не доводилось, несмотря на то, что во времена его студенчества, когда онъ еще жилъ въ Москвѣ, онъ былъ страст-

нымъ поклонникомъ ея отца и часто бывалъ у нихъ въ домѣ, такъ какъ былъ очень друженъ со старшимъ сыномъ старика Леонтьева, Сергѣемъ, его товарищемъ по университету.

Съ тѣхъ поръ прошло почти двѣнадцать лѣтъ; онъ давно переѣхалъ въ Петербургъ, мало-по-малу совсѣмъ отвыкъ отъ театра и потерялъ Леонтьевыхъ изъ виду, лишь изрѣдка, стороною слыша о нихъ что-нибудь. Но воспоминанія объ всей этой семьѣ, которую когда-то онъ очень любилъ и до сихъ поръ хорошо помнилъ, навсегда оставили въ немъ самое хорошее впечатлѣніе,—впечатлѣніе чего-то бесконечно-милаго, сердечнаго и простаго.

— Ну, нечего дѣлать, поѣдемъ смотрѣть Оленьку Леонтьеву!—сказалъ онъ себѣ уже въ гораздо лучшемъ настроеніи и даже не безъ удовольствія подумалъ о предстоящемъ спектаклѣ, что съ нимъ случалось теперь очень рѣдко.

Онъ вышелъ изъ дому и пошелъ на службу пѣшкомъ, думая дорогой уже не о Леонтьевыхъ и спектаклѣ, занявшихъ его на минуту, а опять о разныхъ дѣлахъ, интересовавшихъ и тревожившихъ его, какъ вдругъ неожиданно окликнулъ его Илья Егоровичъ Стороженко, одинъ изъ его сослуживцевъ и пріятелей.

— А! Илья Егоровичъ!—воскликнулъ Чемезовъ, увидя его.—Откуда это вы такъ подкрались?

Илья Егоровичъ былъ высокій, могучій толстякъ, съ розовымъ, благодущнымъ лицомъ; Чемезовъ очень любилъ его за то лѣниво-добродушное, хохлацкое остроуміе, которымъ дышала вся его плотная фигура.

— Да все, батюшка, оттуда же, изъ дому!—сказалъ Илья Егоровичъ, здороваясь съ Чемезовымъ на ходу и тяжело дыша отъ непривычной для него скорой ходьбы.

— Ну, намъ съ вами по дорогѣ, значить; вы, вѣдь, въ департаментъ?—спросилъ его Чемезовъ.—Только, что это вы сегодня пѣшкомъ? вѣдь, вы этого, кажется, не долюбливаете.

— Да что, батюшка, ничего не подѣлаешь! Жена ужъ на извозчиковъ перестала выдавать, да и мои-то деньги, нарочно, всѣ отъ меня отобрала: ходи, говорить, пѣшкомъ, а

то совсѣмъ ожирѣешь! Нельзя, батюшка, доктора прописали, вотъ и путешествую теперь по образу пѣшаго хожденія!

Чемезовъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на розовое, сіяющее здоровьемъ и добродушіемъ, лицо Ильи Егоровича, который почему-то всегда однимъ уже своимъ благодушнымъ видомъ имѣлъ способность приводить его въ хорошее расположеніе духа.

— А меня, батюшка,—сказалъ, все еще тяжело дыша, Илья Егоровичъ,—жена и дочери тащатъ Леонтьеву сегодня смотрѣть!

— Ну, что вы!—смѣясь, воскликнулъ Чемезовъ:—значить, мы съ вами одной участи подверглись! Васъ жена, а меня сестры. Что же, ѣдете?

— Да нельзя не ѣхать; жена говоритъ—событіе!

— Развѣ ужъ и событіе? А мнѣ, признаться, не хотѣлось: работы множество.

— Напрасно, батюшка, напрасно! Событіе-то оно хоть и не событіе, ну, а все посмотрѣть слѣдуетъ. Я-то, положимъ, ее ужъ не разъ видалъ, ну, а все, каждый разъ, какъ въ Москву попаду, не вытерплю, сбѣгаю посмотрѣть ее! Вѣдь, это, батюшка, покойника Льва Леонтьева дочка! Его-то, я полагаю, вы хорошо помнить должны: вѣдь, онъ еще живъ былъ въ то время, какъ вы въ московскомъ-то университетѣ премудростямъ обучались!

— Да какъ же, мы съ его сыномъ товарищами были, я у нихъ въ домѣ чуть не каждый день бывалъ, и Оленьку-то эту еще подросточкомъ помню!

— Ну, вотъ видите, по всѣмъ статьямъ, значить, ѣхать слѣдуетъ!—подтвердиль опять Илья Егоровичъ.—Я старика-то тоже лично знавалъ, мы съ нимъ и выпивки изрядныя даже не разъ учиняли,—онъ и на это большой талантъ имѣлъ! Я и у Обуховыхъ-то, сказать правду, поэтому больше бывалъ.

— У какихъ Обуховыхъ?—удивился Чемезовъ.

— Да у нашего, Петра Георгіевича-то! Вѣдь, онъ тоже на одной изъ дочерей его женатъ.

— Да что вы!—Чемезовъ этого не зналъ и даже не слышалъ никогда, и насколько зналъ Леонтьевыхъ и Обухова, не понималъ, какъ это могло случиться.

— Да на которой же?—спросилъ онъ съ недоумѣніемъ.

— На старшей, на Глафирѣ!

Чемезовъ прекрасно помнилъ эту Глафиру, тогда высокую, видную дѣвушку лѣтъ двадцати, но тѣмъ болѣе это пора- жало его.

— И давно онъ женился?

— Да какъ вамъ сказать... лѣтъ десять, должно быть, уже будетъ, пожалуй!

— Ну, это уже послѣ моего отъѣзда изъ Москвы, но странно, что я объ этомъ никогда не слыхалъ даже!

— Э, батюшка,—сказалъ Илья Егоровичъ, смѣясь и лукаво подмигивая глазомъ,—они объ этомъ не очень-то распространяться любятъ. Чины, знаете, ужъ больно разные: одна — генеральша, а другіе — все актеры да актрисы, такъ одно къ другому и не подходитъ какъ-то. Ну, на спектаклѣ-то сегодня, вѣроятно, все-таки будутъ, этимъ они удостоиваютъ; вотъ поглядите ихъ—они, я вамъ доложу, прелюбопытные субъекты!

Чемезовъ засмѣялся: ему вдругъ живо представилась внушительная фигура Петра Георгіевича Обухова, съ его фізіономіей настоящаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и, съ другой стороны, полуартистическая, полумѣщанская семья Леонтьевыхъ, и бракъ ихъ невольно показался ему такимъ нелѣпымъ и курьезнымъ, что онъ тутъ же рѣшилъ непременно какъ-нибудь при случаѣ побывать у Обуховыхъ, чтобы и на Глафиру посмотрѣть въ ея теперешнемъ видѣ, да и объ остальныхъ Леонтьевыхъ, воспоминаніе о которыхъ вдругъ ожило въ немъ, узнать отъ нея что-нибудь.

— Такъ генеральшей стала?—переспросилъ онъ, смѣясь.

— Какъ же, какъ же, и еще 96-й пробы даже: вѣдь онъ на дняхъ тайнаго получилъ; можетъ, слышали?

— Слышалъ, какъ же! Ахъ, да, кстати, Илья Егоровичъ, вы мнѣ бумагу о Сергіевѣ приготовили?

— Вотъ въ портфельчикѣ ее и несу! Весь вечеръ вчера просидѣлъ, даже въ винтъ не игралъ!

— Ну, и отлично, а она мнѣ сегодня понадобится, вѣрно! — И, разговаривая такимъ образомъ, они подошли къ огромному казенному зданію, гдѣ помѣщался ихъ департаментъ.

Увидѣвъ ихъ, швейцаръ поспѣшно распахнулъ предъ ними двери, а курьеры, почтительно сгибаясь, бросились снимать съ нихъ шубы.

Раздѣвшись, Чемезовъ прошелъ прямо въ свой кабинетъ, торопливо кланяясь по дорогѣ съ встававшими при его входѣ другими чиновниками и отдавъ курьеру приказаніе принимать постороннюю публику только послѣ двухъ часовъ, самъ поспѣшно сѣлъ за чтеніе многочисленныхъ телеграммъ и писемъ, уже лежавшихъ на его письменномъ столѣ.

II.

Въ продолженіе дня у Чемезова было много разныхъ посѣтителей, съ которыми ему пришлось возиться и объясняться, и къ пяти часамъ онъ уже началъ чувствовать то легкое раздраженіе и утомленіе, которое за послѣднее время все чаще стало являться у него въ подобныхъ случаяхъ и котораго раньше онъ никогда не замѣчалъ въ себѣ.

Когда онъ пришелъ къ сестрамъ, Елена Николаевна очень обрадовалась ему.

— Ахъ, какой ты милый!— сказала она, вставая ему навстрѣчу:— ты даже и обѣдать пришелъ, а я боялась, что ты, пожалуй, и въ театръ-то не пойдешь!

Онъ нѣжно поцѣловалъ ее въ лобъ и руку, съ тѣмъ особеннымъ чувствомъ любви и уваженія, съ которымъ всегда цѣловалъ ее, и признался, что раньше ему дѣйствительно очень не хотѣлось ѣхать, но потомъ вспомнилъ, что зналъ эту Леонтьеву еще дѣвочкой, и рѣшился:— такъ ужъ и быть, — прибавилъ онъ, смѣясь, — промѣнялъ на нее работу.

— Да, — сказала Елена Николаевна:— это ужъ стыдно было бы не поѣхать смотрѣть ее, когда есть къ тому возможность. Ты не знаешь, вѣдь мы билеты просто чудомъ какимъ-то достали, — все уже раньше было разобрано!

— А гдѣ же Зина?— спросилъ Чемезовъ, оглядываясь и не видя нигдѣ младшей сестры.

— Она съ Мери у меня въ комнатѣ, — сказала Елена, не глядя на брата. — Я Мери тоже пригласила къ намъ въ ложу, — прибавила она вскользь.

— А! — разсмѣялся Чемезовъ, пытливо взглядывая на нее.—Такъ вотъ отчего и меня-то понадобилось тащить!

Елена Николаевна тоже разсмѣялась и слегка покраснѣла.

— Да нѣтъ же, это, право, случайно вышло,—сказала она, какъ будто въ чемъ-то оправдываясь.—Я Мери еще третьяг дня пригласила, а съ тобой это все Аркадій напуталь! Сначала сказалъ, что не можетъ ѣхать, а теперь прислалъ сказать, что Ларины сами ѣдутъ и винтъ отмѣняется.

Но, видя, что братъ все-таки продолжаетъ глядѣть на нее съ недовѣрчивой улыбкой, она опять засмѣялась своимъ пріятнымъ, мягкимъ смѣхомъ и, взявъ его подъ-руку, увела въ свой будуаръ.

Елена Николаевна была всего лѣтъ на пять моложе брата. Лицами они почти не походили другъ на друга, но фамильное сходство въ чертахъ, манерахъ, голосѣ и, главное, въ характерахъ было между ними очень большое.

Она — изящная, красивая, но слегка уже располнѣвшая женщина, съ мягкими, вьющимися, гораздо болѣе темными, чѣмъ у брата, волосами и съ спокойнымъ, симпатичнымъ выраженіемъ въ лицѣ, прекрасно освѣщавшемся лучистыми пріветливыми глазами.

Чемезовъ очень любилъ обѣихъ сестеръ, но любовь его къ каждой изъ нихъ была разная.

Между нимъ и Еленой съ дѣтства еще завязалась тѣсная дружба; съ годами дружба эта окрѣпла и къ ней прибавилось еще чувство глубокаго уваженія другъ къ другу.

Живя одинокимъ холостякомъ, хотя по натурѣ будучи семьяниномъ, Чемезовъ привязался къ семьѣ сестры и любилъ ея дѣтей чуть не больше ея самой, а это, въ свою очередь, трогало и привязывало ее къ брату.

Отношенія же его къ младшей сестрѣ были совсѣмъ инныя. Къ ней онъ не чувствовалъ ни той дружбы, ни того уваженія, какія вызвала въ немъ старшая сестра. Онъ глядѣлъ на нее просто, какъ на дорогого ему ребенка, котораго любилъ иногда подразнить, иногда пожурить, иногда побаловать и приласкать, но на котораго нельзя еще было смотрѣть серьезно. Но въ глубинѣ души, безсознательно для

себя, любилъ ее еще больше, чѣмъ Елену, и быть можетъ, именно за тѣ самыя качества, которыхъ не хватало въ его собственной натурѣ, и которыми такъ щедро была надѣлена Зина.

Въ сущности, для обѣихъ сестеръ братъ былъ семейной гордостью, почти божкомъ; но живая, откровенная и увлекающаяся Зина не стѣснялась открыто, съ наивной довѣрчивостью, признаваться въ обожаніи брата и ему, и всѣмъ другимъ, тогда какъ сдержанная и сосредоточенная въ себѣ Елена Николаевна глубоко чувствовала это въ душѣ и очень рѣдко говорила о томъ вслухъ. Они съ братомъ—оба были натуры нѣсколько замкнутыя, расположенныя сильнѣе чувствовать, чѣмъ высказываться. Ея любовь не была такою экзальтированной, какъ у 17-тилѣтней Зины, но она съ глубокимъ убѣжденіемъ преклонялась предъ его умомъ, характеромъ, душой и радовалась каждому его успѣху и удачѣ больше, чѣмъ своимъ собственнымъ.

Елена Николаевна была страстная, убѣжденная семьянинка, находившая всѣ свои радости и счастье въ семьѣ и всей душой желавшая для своего любимаго брата того же самаго. Она знала, что онъ очень привязанъ къ ея дому и проводить въ немъ почти все свое свободное время, но невольно чувствовала, что одной ея семьѣ все-таки еще недостаточно, и что ему необходимо имѣть свою собственную, которая наполнила бы ему жизнь и создала бы собою цѣль, для которой стѣило бы жить и трудиться. Мысль эта стала особенно тревожить ее теперь, когда брату ея уже стукнуло 35 лѣтъ, а онъ, поглощенный своей службой, все еще не выказывалъ ни малѣйшаго желанія осуществить ея мечты.

Его быстрые успѣхи по службѣ, конечно, очень льстили ей, но въ то же время ей казалось, что въ такихъ условіяхъ жизни онъ поневолѣ преждевременно старится и утомляется. Порой она почти уже не узнавала въ этомъ раздражителемъ, утомленномъ, осунувшемся человѣкѣ своего прежняго милаго Юрія, всегда оживленнаго, веселаго, на все отзывчиваго,—и тогда она невольно начинала обвинять во всемъ этомъ его службу, бравшую у него слишкомъ много времени и здоровья; для нея, какъ для жѣнщины, эта служба не

имѣла такого глубокаго смысла и значенія, которые придавалъ ей самъ Чemezovъ.

Инстинктомъ женщины Hélène понимала, что отвлечь его отъ службы, и вмѣстѣ съ тѣмъ оживить его самого и разнообразить нѣсколько его жизнь можетъ только женщина, но сколько она ни присматривалась—за послѣдніе годы она не встрѣчала ни одной, которая бы такъ или иначе играла какую-нибудь роль въ его жизни. Да этого она и не желала совсѣмъ, потому что въ принципѣ, а принципы у нея, какъ и у брата, были разъ навсегда строго выработаны и ими она не любила поступаться даже въ мелочахъ, она не одобряла безразсудныхъ увлеченій и романовъ, а еще менѣе одобряла тѣхъ женщинъ, которыя шли на такіе романы. Подобныхъ женщинъ Елена Николаевна считала прямо вредными и вовсе не желала, чтобы ея братъ такъ или иначе столкнулся съ ними.

Она желала для него хорошую, умную, любящую жену, которая согрѣла бы и освѣтила бы всю его жизнь.

Ей не разъ уже доводилось слышать, что многіе находятъ Чemezova сухимъ и черствымъ карьеристомъ, который думаетъ только о себѣ и о своей карьерѣ, и ничто не могло такъ взволновать и разсердить ее, какъ подобный отзывъ о немъ. Она знала его душу и сердце лучше, чѣмъ кто-нибудь; знала, что все это неправда, и съ глубокимъ негодованіемъ протестовала противъ этого. Сама она была глубоко убѣждена, что натура Юрія даже слишкомъ привязчива и что, разъ серьезно полюбивъ,—онъ весь отдастся той женщинѣ, которую полюбитъ, и изъ него выйдетъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ семьяниновъ, которые готовы все отдать въ жертву своей семьѣ.

Но Чemezovъ не хотѣлъ слышать ни о какой женитьбѣ и, вообще, какъ будто избѣгалъ женщинъ. И вотъ, Елена Николаевна рѣшила сама женить его; и съ тѣхъ поръ, какъ она это рѣшила, она стала съ особеннымъ пытливымъ вниманіемъ присматриваться ко всѣмъ знакомымъ ей дѣвушкамъ, приискивая между ними наиболѣе подходящую для него жену. Но хотя лично ей нравились многія, зато самъ Чemezovъ такъ

неохотно и туго поддавался ей проектамъ, что у нея по-неволѣ опускались руки и пропадала энергія.

Между ними, по этому поводу, происходили даже не совсѣмъ пріятныя объясненія, и, наконецъ, онъ прямо, хотя и мягко, но рѣшительно попросилъ ее не браться больше за подобные планы, если она не хочетъ ссориться съ нимъ...

— Я никакой склонности къ женитьбѣ не чувствую и, по всей вѣроятности, не женюсь никогда!—сказалъ онъ ей разъ въ заключеніе, съ сильнымъ неудовольствіемъ въ голосѣ.

Елена Николаевна прекрасно знала, что если Юрій сказалъ что-нибудь такъ рѣшительно, то это будетъ уже твердо. Но и она была такъ же тверда въ своихъ намѣреніяхъ, и тѣмъ болѣе въ такихъ серьезныхъ, а потому рѣшила временно отложить этотъ вопросъ на нѣкоторое время и, никого больше ему не навязывая, дѣйствовать такъ, чтобы желаніе жениться уже само-собою бы зародилось въ его головѣ; а она будетъ только постепенно и незамѣтно способствовать именно подобному зарожденію.

Такъ прошелъ годъ, и Чемезовъ уже началъ-было думать, что сестра благоразумно отказалась, наконецъ, отъ своихъ прежнихъ мечтаній.

Въ это самое время Елена Николаевна познакомилась съ Мери Столѣниной. Изъ всѣхъ знакомыхъ ей дѣвушекъ Мери несомнѣнно была самая подходящая: прекрасной семьи, хорошо воспитанная, не черезчуръ молодая—ей шель уже 23-й годъ—она невольно привлекала къ себѣ вниманіе своей изящной, немного блѣдной, но породистой красотой. Мери была сирота (что то же было хорошо, потому что тещи не всегда бываютъ пріятны) и жила у своей старшей замужней сестры, баронессы Баумгартенъ, свѣтской умной женщины, но состояніе имѣла отдѣльное и вполне независимое отъ родныхъ. Послѣднее обстоятельство не было, впрочемъ, главнымъ вопросомъ въ тѣхъ требованіяхъ, которыя Елена Николаевна предъявляла своимъ будущимъ золовкамъ, но все-таки это было далеко не лишнее, тѣмъ болѣе, что самъ Чемезовъ жилъ исключительно на свое жалованье—правда, теперь уже очень хорошее, но все-таки еще не вполне достаточное для комфортабельной семейной жизни.